Радзинский Эдвард

1984

Семейный разговор

3-9 дек., 1984. Неделя

№ 49 (1269). 1984 г. 3-9 дек.

ВОКРУГ ПРИЯТНОЙ ЖЕНЩИНЫ

ЛЮБИТЕ И БУДЬТЕ ЛЮБИМЫМИ! * МОЖНО ЛИ ПРОЩАТЬ ОБИДЫ?

*** СТО БЕД ОДИНОЧЕСТВА *

* *КОМУ ПОМОГАЮТ КЛУБЫ ЗНАКОМСТВ?* *

* ЗА СЧАСТЬЕ НАДО БОРОТЬСЯ! *

Жила-была женщина с красивым романтическим именем — Аэлита и с такой же возвышенной, нежной душой. Даже не просто приятная, а прекрасная, наделенная всем, что необходимо, чтобы любить и быть любимой. Но—одинокая.

Был человек, с которым она надеялась связать свою жизнь. Но он вдруг объявил, что женится на другой. И в эту тяжелейшую минуту жизни, случайно, в поезде, она встретила немолодого и тоже приятного мужчину. Он увлек ее высокими словами, вышедшими из обихода знаками мужского поклонения....

Но это был обман. Таинственный незнакомец оказался брачным аферистом. Ему нужно было выманить ее достаточно скромные сбережения. Его поймали, судили. И вдруг Аэлита начала получать от этого человека, из мест не столь отдаленных, письма о любви. Она помнила, что он ее обманул. Но письма были написаны так, что им невозможно было не поверить. И она поверила.

Но это тоже был обман. Письма из колонии писал другой человек, мелкий жулик, которому аферист продал фото Аэлиты вместе с адресом. Выйдя на свободу, этот жулик приехал, положил, как сказали бы когда-то, к ногам Аэлиты свое сердце. И, несмотря на все, она ему тоже поверила.

Но и это был обман. Составная часть еще одной крупной аферы, имеющей целью хищение казенного спирта. Что и раскрылось — и каким жестоким способом, при каких обстоятельствах, непереносимых для чувств Аэлиты, для ее женского самолюбия! Другая озлобилась бы навеки, возненавидела бы весь род мужской. А эта и после пережитого осталась собой — прекрасной женщиной, переполненной своими никому не нужными чувствами...

Такую историю рассказал драматург Эдвард Радзинский в пьесе «Приятная женщина с цветком и окнами на север». Ее можно увидеть в Москве, на сцене Театра эстрады, с Татьяной Дорониной в главной роли. Но не о спектакле наш сегодняшний разговор. Некоторые женщины восприняли увиденное как личную обиду. Да, у них тоже никого нет. Их жизнь тоже проходит в такой же комнате, где только собака, кот или, как в пьесе, цветок разделяют одиночество хозяйки. Каждая из них, вслух или про себя, оплакивает свою судьбу. И точно так же — как большое несчастье — воспринимает судьбу Аэлиты. А можно ли смеяться над несчастьем? Хорошо ли это? Гуманно ли?

Я решила, что на эти вопросы лучше всех ответит человек, который придумал всю эту почти неправдоподобную историю, драматург Эдвард РАДЗИНСКИЙ.

— Но я ее не придумал! Именно такой случай произошел в жизни, и это еще не самый фантастический из известных мне сюжетов такого рода. Женщина в отсутствии любви — вот их название и их

Прежние любовные драмы (я имею в виду жизнь, а вовсе не сцену) возникали, как правило, оттого, что Он не любил, или любил другую, или был не свободен, или принадлежал к другому социальному кругу. Теперь же, по моим наблюдениям, самой распространенной стала драма принципиально иного характера. Он, мужчина, просто не способен любить. Что же произошло? С мужчинами, с женщинами, со всеми нами?

Если свести все к простой схеме, я представляю себе ход событий так. Увидев рядом с собой женщину независимую, сильную, твердо стоящую на ногах, иной мужчина перестает ощущать ответственность за то, чтобы она была счастлива. Он и Она превратились в равноправных партнеров, а о партнере, как известно, не надо заботиться — с ним играют или борются на равных. Два участника турпохода, два весельчака... Это, по-моему, и разрушает основу любви. Но, главное, женщину продолжают убеждать, что чем дальше она будет идти по пути эмоционального и психологического уподобления мужчине, тем более будет счастлива. Вот почему мне хочется предостеречь женщину: берегись! Тебя хотят обмануть! На самом деле женщина не изменилась! Она должна любить и быть любимой!

В чем, собственно, вижу я проблему современной одинокой женщины? Если бы речь шла только о том, что многие достойные во всех отношениях люди не могут получить от жизни то, что, казалось бы, принадлежит им по праву, и то мы обязаны были бы отнестись к этому с максимальной серьезностью. Но, думаю, мы соприкасаемся здесь с явлением гораздо более глубоким и важным для общества: человек не всегда имеет возможность отдать. Особенно если это истинно женская душа. Недаром же давно замечено: мужчина счастлив любовью, которую он вызывает, а женщина — той, которую испытывает...

Для меня суть происходящего — именно в этом. Расточаются впустую душевные силы, бесценное богатство пропадает, никому не нужное. Высочайшая духовная энергия, способность приносить счастье остаются как бы невостребованными. Это обедняет жизнь общества, ту нравственную атмосферу, в которой мы живем, — делает ее суше, жестче, лишает теплоты. Личная, камерная, как иногда говорят, ситуация приобретает характер острой общественной проблемы.

— До сих пор проблема одиночества обсуждалась преимущественно в плане, так сказать, демографическом. Каждая женщина, оставшаяся незамужней, — это несложившаяся семья, нерожденные дети, а все вместе — определенный общественный урон. Ваша пьеса самим своим появлением означает: мы начали интересоваться более глубокими нравственными пластами явления. Видимо, здесь прежде всего важно, чтобы сама женщина осознала и оценивает свое положение, в чем видит свои главные проблемы, что пытается предпринять в поисках выхода или хотя бы компенсации, отдушины — для жизни ведь и это необходимо.

Вот конкретный и самый близкий нашей теме пример. Мне часто приходится разговаривать с женщинами, которые в свое время устремлялись, полные надежд, в клуб знакомств, а затем уходили оттуда, еще более раздраженные, разочарованные, болезненно осознающие свое положение. Когда мы с ними пытались разобраться, почему же так получилось, оказывалось, что шли они в клуб с надеждой и намерением **получить** *(в готовом виде, да еще с гарантией качества): жениха, мужа, друга жизни. И самое интересное, что в этом не так уж трудно было бы преуспеть — каждой женщине рано или поздно можно, пожалуй, подобрать какой-то вариант. Но выяснялось, что это совсем не то, на что она рассчитывала, в ее душе не возникает тех чувств и переживаний, без которых жизнь не мила. А вот женщинам, которые видят проблему своей жизни в том, что некому* **отдать**, *служба знакомств нередко помогает. Причем если сами они не сразу обретают свое счастье, то помогают обрести его другим, включаясь в работу этого клуба или службы. И чувство одиночества, по их единодушному признанию, перестает глодать изнутри.*

— Я считаю, что вообще проблему «невостребованности», если так можно сказать, следует рассматривать гораздо шире этого круга любви, поисков семейного счастья... Много вижу людей, которые так, увы, и уходят из этого мира, не отдав того лучшего, с чем в него пришли... Нередко, кстати, это случается и в искусстве. Когда я писал пьесу, я был уверен, что у актрис театра она найдет безусловный отклик. Тот, кто следит за происходящим в театре постоянно, часто улавливает эту же невостребованность и в судьбе актрис.

— Когда Аэлита была молода, она, как и все женщины нашего с ней поколения, наверняка плакала над судьбой другой вашей героини — Наташи из пьесы «104 страницы про любовь». Для меня родство этих пьес несомненно. Не случайно же Аэлита получает от своего странного друга из колонии именно 104 письма! Это тоже 104 страницы про любовь — но только какие страницы и про какую любовь! Историю Наташиной любви — тоже горькой, в сущности, непонятой, непринятой, вы рассказали как драму. А в «Приятной женщине...» эта же ситуация выглядит анекдотом, фарсом. Неудивительно, что женщины обиделись!

— В логике есть такой метод доказательства — приведение к абсурду. Подобный путь к истине существует и в искусстве: взорвать ситуацию изнутри, привести ее к явной бессмыслице, чтобы проникнуть в глубину. Мне бы не хотелось, чтобы над Аэлитой смеялись. Да, она простодушно прощает обиды, но ведь это же не от отсутствия ума или гордости! Это, если хотите, спрессованный жизненный опыт — и свой собственный, и множества других знакомых и незнакомых женщин. Пресловутый «женский ум»! Но только раньше он изощрялся в стремлении очаровать, пленить мужчину, теперь же все чаще работает в странном направлении: чтобы в самой себе создать и поддерживать это ощущение очарованности, зачарованности.

Если Приятная Женщина — и Наташа, и Аэлита — отличается чем-нибудь от других, то только тем, что ее потребность любить — этот особый драгоценнейший талант любви — отпущена более щедро, чем многим, и она не подавляет эту потребность в себе, не вытравляет из души, не стыдится показывать. А любить для нее, как для истинной женщины, означает жалеть, прощать, видеть в любимом самое лучшее, чего никто другой, может быть, не видит, сделать его счастливым.

Каждый ребенок — этот феномен очень выразительно описан Л. Толстым — хоть раз да мечтал умереть, чтобы наказать обидчиков своей смертью. Вот тогда «они» поймут, кого потеряли, вот тогда пожалеют о том, что сделали! Именно такая кара на глазах взволнованных зрительниц постигала Евдокимова, возлюбленного Наташи, хотя он-то, в сущности, был неплохим парнем, он умел работать, думать, даже способен был совершить подвиг во имя науки, только вот беда — не умел, не способен был любить, как бывают люди, лишенные, скажем, способности различать цвета... В разных спектаклях это все игралось по-разному, но неизменно вид потрясенного, уничтоженного известием о гибели Наташи Евдокимова, для которого вся жизнь вмиг теряла смысл, вызывал в зале какое-то, даже не сразу понятное, парадоксальное облегчение. Жалость к героине отступала перед тишиной какого-то особого реванша, высшего, безоговорочного торжества.

Думаю, что теперь такой спектакль был бы невозможен. Ныне женщинам нужны, по-моему, совершенно другие «лекарства» — ведь в обществе утверждается другое отношение к проблеме женского одиночества. Прежде всего мы уже не так остро воспринимаем драматизм конкретных судеб...

— Ну, к самим-то женщинам это вряд ли относится. Сколько писем, где читательницы сетуют на свою личную судьбу: «Часто слышу: хорошо одиноким, никаких забот! Не задумываются люди, что многие века одиночеством наказывают...»

— И все равно, отношение женщин к тому, что́ с ними происходит, сильно меняется. Стало возможным говорить об этом, обсуждать, открыто действовать. «Слушай, познакомь меня с кем-нибудь», — произносится так же спокойно и буднично, как: «Слушай, посоветуй, где купить сапоги...».

Но если ощущение частной драмы притупилось, то сознание общественного неблагополучия, которое вырастает из множества этих личных бед, стало, по-моему, во много раз сильнее. А время, когда об этом явлении можно и нужно было говорить языком драмы, прошло. Утешать, успокаивать — не та форма психологической помощи, в которой нуждаются сегодняшние зрители. Кто сказал, что Аэлита оскорблена, унижена? Ничего подобного! Я вижу в кульминации пьесы ее победу, ее торжество!

Перед каждой женщиной в определенные моменты жизни встает выбор: остаться верной своей эмоциональной и нравственной сущности или предать их. Так появляется антипод моей героини — женщина-хищница, тоже, кстати, достаточно распространенный тип. Женщина, способная, отказываясь от женских «слабостей», то есть доброты, отзывчивости, умения жалеть и прощать, стать больше мужчиной, чем сам мужчина.

В молодости кажется, что она торжествует. И точно — она порой далеко опережает таких, как моя Приятная Женщина, в способности добиваться, получать все, что наметила. Но приходит вторая половина жизни — и наступает отмщение. Часто оно является в образе дочери. Я это вижу во многих семьях. Дочь — порождение матери. Но ужас в том, что она не повторяет ее, а всей своей сутью, характером, поведением бросает ей вызов. Беспомощна, безбытна, любит не родителей, а собаку, бросает школу, наводняет дом какими-то чудовищными персонажами, которые бьют все, что тщательно собиралось годами, потом едет с ними неизвестно куда... И для женщины наступает одиночество, особенно страшное тем, что не послано оно судьбой, а создано своими руками...

Жизнь Приятной Женщины трудна. Но я верю, что женщина эта окажется победительницей. Нет, мы, конечно, не вернемся к тому, что было «до эмансипации». Так не бывает. Да это и не надо! Все идет вперед — и женское самосознание, и понимание подлинного смысла жизни, и умение бороться за свое счастье. Победит Вера, Надежда... И, конечно, Любовь.

Беседу вела
Далила АКИВИС.

128